

РУССКАЯ «ГРИБНАЯ» МЕТАФОРА И СПОСОБЫ ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТНОГО ПЕРЕВОДА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

На материале тематической группы наименований грибов русского и итальянского языков исследуются вопросы лексической лакунарности и связанные с ней проблемы перевода метафорической лексики. Сопоставительный анализ данных наименований в двух языках позволил выявить лексические лакуны в итальянском языке, причины их существования и способы их заполнения при переводе текстов разных жанров. Исследование выполнено в рамках лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии и теории перевода.

Ключевые слова: лингвокультурология; фитометафора; сопоставительный анализ; лакунарность; межъязыковая лакуна; лексическая лакуна; практика перевода.

Существует множество дефиниций и классификаций понятия «лакуна». Лакуны, например, разделяются на «лингвистические» и «экстралингвистические» (культурологические), на «когнитивные», «семантические» и «лексические» и т.д. Лингвистические лакуны могут быть «внутренними», выявляющимися при изучении языковой системы одного языка, и «межъязыковыми», выявление которых возможно в процессе сопоставительного исследования языков. О классификации лакун по разным основаниям подробно пишет в своей диссертационной работе Г.В. Быкова [1].

Предметом нашего исследования являются межъязыковые лексические лакуны, связанные с метафорическим осмыслением природного мира.

В статье лакунарность изучается не относительно наименований грибов, которые присутствуют в обоих языках, а относительно метафорических значений в лексических системах данных языков.

В процессе сопоставления, по словам Г.В. Быковой, «нетрудно убедиться, что нередко лексическая единица одного языка не находит словарного эквивалента в другом. Теория и практика перевода, а также методика обучения иностранным языкам знают множество примеров, когда понятие, выраженное в одном языке, не имеет наименования в другом языке» [1. С. 50]. Об этом свидетельствует тематическая группа (далее ТГ) «Наименования грибов», анализ которой представляет немалый интерес, поскольку она мало исследована в двух языках (Л.Ф. Пуцилева [2], Т.Н. Панкова [3], А.Г. Дементьева [4]). Мы обнаружили, что в русском языке грибные наименования (*мухомор*, *боровик*, *поганка*, *опенок*, *сморчок* и др.) развивают метафорические значения, а в итальянском даже не вызывают образных ассоциаций: единственным метафорически продуктивным является слово *гриб*. Оно развивает переносное значение в обоих языках на основании визуального признака – формы предмета (в русском языке *атомный гриб*, *грибок* в значении «клапан», *грибок* во дворе и т.д.; в итальянском *fungo atomico* – атомный гриб, *fungo dell'innaffiatoio* – сетка лейки, букв. гриб лейки и т.д.) или на основании особенностей растения – их быстрого роста (в обоих языках *расти*, как *грибы* – *crescere come funghi*).

Таким образом, данная ТГ для русских и итальянцев имеет разную коммуникативную значимость. Конечно, коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана со значимостью выражаемого ею концепта для культуры народа [5. С. 77].

Н.И. Конрад, Ю.А. Сокорин и И.Ю. Марковина утверждают, что именно на взаимосвязь языка и культуры опирается понятие лакуны [1. С. 24]. Однако внеязыковая действительность, окружающая носителей двух языков, не должна обязательно различаться, а «может быть абсолютно идентичной, и все же один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны этой действительности, которые другой язык предпочитает не выражать. Таким образом, лакуна – это отсутствие лексемы при наличии концепта (мыслительного образа) у носителей языка» [6. С. 7].

Следует отметить, что и в России, и в Италии растут грибы, и обе страны имеют богатый опыт использования грибов, и в обоих языках существует более сотни названий разных видов грибов. Однако, заметим, ни в одной стране не было таких грибных промыслов, как в России, в хозяйстве которой лесной промысел занимал большое место. Грибы и ягоды являются одними из главнейших компонентов русской кухни, используемых во множестве национальных блюд. На наш взгляд, значимость лесных продуктов, являющихся важной составляющей русского быта и, соответственно, значимость наименований грибов в словаре говорящих, а также относительно регулярная метафоризация фитонимов объясняют активный процесс метафоризации в этой лексической области. Сочетания собственно языковых тенденций и внеязыковых факторов способствуют появлению регулярных «грибных» метафор в русском языке. Отсутствие грибных метафор в итальянском языке объяснить непросто: собственно языковые факторы в равной мере способствуют образованию вторичных переносных значений в обоих языках (см. закон семантической аналогии Ю.Д. Апресяна [7] и явление регулярной многозначности, отмеченное Д.Н. Шмелёвым [8, 9], Э.В. Кузнецовой [10] и Ю.Д. Апресяном [11]). Можно предположить, что особую важность в процессе семантической деривации приобретают «фоновые знания», связанные со значимостью предмета для социума.

В данной работе мы рассматриваем метафоры *сморчок*, *мухомор*, *поганка* и *старый гриб*, которые развивают в большинстве случаев негативную семантику. В частности, мы исследуем семную структуру метафорических значений, зафиксированных в словарях, и их коммуникативное варьирование на материа-

ле Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12], для того чтобы выявить способы адекватного перевода многоплановых русских метафор на итальянский язык, не имеющий соответствующей метафорической подсистемы. Мы считаем, что выявление новых денотативных и коннотативных компонентов в метафорическом значении (семное варьирование лексической единицы в речи) очень важно для лучшего понимания и освоения переносного значения изучаемыми русский язык как иностранный.

Рассматривая метафорическое значение слова *сморчок*, отраженное в словарях («прост. о маленьком, невзрачном или старом, морщинистом человеке. – *Вы знаете этого... этого Кишкина? – Кажется, где-то видал: такой гнусный сморчок.* Мамин-Сибиряк. Золото» [13. Т. 4. С. 157]), мы выделили несколько основных сем: *маленький рост, слабость, малосильность, невзрачность, старость, дряхлость, сморщенность* и эмоциональная оценка «*отвращение, пренебрежение, презрение*». Основные семы переносного значения связаны с визуальным (*сморчок* – гриб маленький, неказистый, сморщенный) и осязательным (на ощупь гриб дряблый) ощущениями.

Однако переносное значение этого слова, представленное в словаре, не дает полной картины семного варьирования, широко представленного в реальной коммуникации. Мы обнаружили, что фитометафора *сморчок*, варьируясь, развивает новые коннотации, как, например, выражение социального неравенства субъекта и объекта оценки: *Бригадир на него только глазами сверкнул. – Своё дело знай, сморчок! Таскай кирпичи!* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича); выражение возрастной разницы говорящего и объекта-адресата оценки: *он схватил сына за чуб. – Ты знаешь, сморчок поганый, что за это будет? Знаешь?* (Михаил Бубеннов. Белая береза). Метафора *сморчок* интерпретирует комплекс качеств, как внешних, так и внутренних. Иногда эти характеристики «сходятся» в одном объекте оценки, иногда актуализируются моральные качества, оценка же преобладает отрицательная: *Надо видеть, как этот сморчок строит из себя супермена. <...> И только я знаю, какой он есть на самом деле. Трусливый, закомплексованный дурак, который оттягивается на унижении тех, кто слабее и похож на него же* (Галина Щербакова. Моление о Еве).

В случаях, когда фитометафора используется только для описания внешнего вида человека, вполне может происходить смягчение отрицательной оценки: *слабый, немощный, сморщенный, старый, но добрый.* Например: *Он был совершенный сморчок, старичишка добрый* (Ф.Ф. Вигель. Записки). *Сморчок*, существительное мужского рода, обычно употребляющееся по отношению к мужчинам, может характеризовать и существо женского пола: *Ирина сидела на диване между князем Кoko и г-жою X., известною некогда красавицей и всероссийской умницей, давным-давно превратившейся в дрянной сморчок, от которого отдавало постным маслом и выдохшимся ядом* (И.С. Тургенев. Дым). Если физические характеристики человека (старость, дряхлость, сморщенность, невзрачность) и презрительная оценка метафоры

сморчок зафиксированы в словарях, то нравственный, гендерный, социальный и возрастной компоненты выявляются только в контекстном анализе. Таким образом, можно говорить об активном развитии данной фитометафоры.

Семантика лексемы *сморчок*, представленная в словарях, вполне соотносима с метафорическим значением словосочетания *старый гриб* («о старом и обрюзгшем человеке» [14. С. 145] или о «дряхлом старике» [15]), которое основывается – как и *сморчок* – на внешнем сходстве старого гриба и старого человека (некрасивый, сморщенный, разваливающийся), а также на основе осязательных ощущений (дряблый): *Чем встретила свою старость (ведь она же стара, как и он!). Говорят, старость милостива к некрасивым. Возможно, Варя к старости похорошела, хотя трудно себе это представить. Не то, что он – бывший красавец, а ныне старый гриб, пень, коряга* (И. Грекова. Фазан). В отличие от метафоры *сморчок*, в выражении *старый гриб* почти всегда актуализируется сема «старость»: либо человек действительно старый, либо внешне он похож на старика, либо кажется намного старше своих лет. Часто это выражение выступает в сравнительных оборотах и в сочетании с такими эпитетами, как *сморщенный, сгорбившийся* и т.д.: *Худоцавый, маленький, сморщенный, как старый гриб, но все еще неугомонно-бойкий, мессер Галеотто, подпирая голову обеими руками, внимательно смотрел на колбу* (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги, Леонардо Да Винчи).

Иногда *старый гриб* имеет ярко негативную коннотацию. Рассматривая различные контексты, мы можем выделить те компоненты значения, которые актуализируют оценку, например оценка на основе внутренних качеств человека: *6 мая последняя (третья) попытка сдать вождение. И снова старый гриб меня заваливает. Друзья успокаивают тем, что здесь и по 20 раз сдают* (Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства). В данном текстовом фрагменте речь идет о человеке старшего возраста, к которому относятся неодобрительно. Вернее, в данном контексте «старым грибом» назван вредный человек, который мешает другому реализовать планы. Таким образом, основанием оценки является скорее не старость, а многообразие негативных морально-нравственных качеств человека (подобное характерно для многих русских метафор, отражающих внешние признаки человека: *дылда, детина* и др.).

Гендерный компонент в значении выражения «старый гриб» вполне ощутим (в первую очередь о мужчине), однако выражение может употребляться и по отношению к женщинам, но только в сравнительном обороте: *Она посинела и сморщилась от холода, как старый гриб...* (Федор Аврамов. Деревянные кони). В последнем случае «старый гриб» является только внешней характеристикой.

Теперь рассмотрим метафору *мухомор*. Переносное значение данного слова в словарях разных типов представлено достаточно последовательно и полно. Если обобщить полученные результаты, то *мухомором*, по данным словарей, называют дряхлого человека [13. Т. 2. С. 314–315], старика, зануду [16], а также скучно-

го, неприятного человека [17]. В сленге *мухомор* употребляется как пренебрежительное название наркомана, употребляющего галлюциногены [18], а также может использоваться в качестве бранного слова [19]. В основе данных значений находятся свойства мухомора «быть ядовитым» и «вызвать галлюцинации». Эти смысловые компоненты словари отражают, как правило, при помощи иллюстративного материала. В исследуемых нами контекстах НКРЯ наименее распространенным является значение, связанное с физическим обликом (мы обнаружили только один контекст, в котором на первый план выступают признаки «дряхлость» и «старость»). Чаще всего *мухомор* – это человек неприятный, вредный, злой (и необязательно старый): *я сама терпеть не могу, когда этакий мухомор вдруг вздумает давать волю рукам и лезть целоваться...* (А.В. Амфитеатров. Марья Лусьева). В следующем контексте *мухомор* человек – старый, но и хитрый, приносящий вред другому: *А все равно он не так прост, так хочет казаться. Очень даже себе на уме, старый мухомор. Мастер наводит тень на плетень. Тут он мне как-то под большим секретом поведал берущую за живое повесть любви и ареста Эдмона Дантеса, выдавая ее за собственную* (Сергей Гандлевский. НРЗБ). Фитоним *мухомор* используется также в сравнительных оборотах: *как мухомор* или *похож на мухомор*; основанием для сравнения является красный цвет и / или белые крапинки (в данном случае сравнение с мухомором может обходиться и без отрицательных коннотаций), а также ядовитость: *Что у тебя? – спрашивает Гном, пятнистый от прыщей, как мухомор* (Мариам Петросян. Дом, в котором...); *крошечный жук в ядовитую, как мухомор, крапинку, упал на лист с устрашающим стуком...* (Андрей Битов. Фотография Пушкина). Отметим, что сравнительный оборот обычно передает какую-либо одну характеристику объекта, в отличие от многоплановой метафоры.

Фитоним *поганка*, по данным основных толковых словарей, не развивает переносных значений. Однако в НКРЯ приводятся весьма интересные примеры, где характеристики *поганка* или *бледная поганка* употребляются по отношению к человеку. Именно в этих случаях мы выявили, что чаще всего актуализируются семы «подлость, вредительство». В этих случаях метафоры развивают компонент прямого значения «ядовитый». Итак, *поганкой* может быть назван негодяй, подлец, не порядочный человек, например: *Это предположение подтвердилось, когда на другой день утром сестры узнали, как пропал из монастыря воевода Полуект Степаныч и как ночью слепец Брехун принес монашеское одеяние черного попа Пафнутия. – Девки-поганки дело, – решила и мать изуменья. – Не инако могло быть, как через нее. Она, поганка, переиначила себя в честный образ мниха... То-то, кыргызское отродье, посмеялась над святою обителью* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови); *А вот то, что беременная, понимаешь, всего 4 тыщи получает – это она зараза такая. И забеременеть она, поганка, хотела аж два года как (от святого Духа, наверное, брат тут ну совершенно ни при чем). Да еще, понимаешь, вяжет, гулять не ходит и в семейных беседах неактивно участвует. Не удивительно при отношении «ууу, на наши*

достаток поразились» (Женщина + мужчина: Брак-форум).

Данная метафора является многоплановой семантической единицей, служащей для образной интерпретации как внутренних (см. контексты выше), так и внешних характеристик человека: *поганкой* может быть назван человек с бледной кожей – основой переноса является цвет гриба. Причины бледности кожи могут быть разными: *незагорелая кожа или нездоровый вид человека: И вот сейчас, т.е. послезавтра надо надеть супер открытое платье, а я как бледная поганка:(((на соларий времени нету* (Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм – форум); *«Бледная поганка» – это из-за того, что я просиживал целые дни радиосхемами, которые безуспешно паял – от этого, конечно, портился цвет лица* (Юрий Нечипоренко. Шпак); *Из зеркала на меня смотрела высокая блондинка с желтыми фингалами и тоже грозила мне пальчиком. Бледная поганка* (Иржи Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя).

В итоге мы можем утверждать, что семантика фитонимов *сморчок*, *мухомор* и *поганка* активно расширяется и варьирует оценочное содержание.

Анализируя словари итальянского языка, фрагменты дискурса и материалы, полученные нами при проведении направленных психолингвистических экспериментов, мы не смогли найти ни одной итальянской эквивалентной метафоры. Закономерно встает вопрос о том, какими средствами можно заполнить данные лексические лакуны. Для этого мы опираемся на материалы двуязычных словарей, а также на русские оригинальные и итальянские переводные художественные тексты. В электронном двуязычном словаре [20] переносные значения рассмотренных нами фитонимов передаются следующим образом: слово *сморчок* переводится как *omicciattolo* или *omino*, что означает «невзрачный человечек» и «человечек», и *mezzacartuccia* (букв. половина патрона). Эти слова, по словарю GRADIT, имеют общую семантику, обозначающую «человека со скудными физическими или моральными / интеллектуальными качествами» [21]. При этом суффикс *-ino* передает семантику «маленький рост», а суффикс *-iattolo* – уменьшительную, пренебрежительную, презрительную оценку. В последнем случае можно сказать, что итальянский вариант двуязычного словаря передает главные семы слова *сморчок*. Теперь обратимся к способам эквивалентного перевода. Интересно отметить, что данное слово переводится разными способами, в зависимости от коннотации, которая должна выступать на первый план, по мнению автора.

Рядом с ними бегают с и суетится с утра до ночи какой-нибудь несчастный сморчок «из благородных», Иван Фомич Суриков, – в нашем доме, над нами живет, – вечно с продранными локтями, с обсыпавшимися пуговицами, у разных людей на посылках, по чьим-нибудь поручениям, да еще с утра до ночи [22. С. 411].

Insieme a loro corre e si affanna da mane a sera qualche disgraziato omiciattolo di «nobili» nati come Ivan Fomic Surikov, (abita nella nostra casa al piano di sopra), sempre con gomiti sdrucciati, i bottoni mancanti. Fa il galoppino di qua e là per commissioni dalla mattina alla sera tardi [23. P. 457].

В данном переводе смысл передается посредством слова *omicciattolo* (см. выше). При данном лексическом выборе переводчик сумел передать и физические, и моральные качества героя-сморчка (человек жалких внутренних и внешних характеристик). Однако через три страницы, при описании все того же героя, фитоним *сморчок* переводится существительным *disgraziato* (неудачник), «несчастный человек, вызывающий жалость и сострадание» [21] или «человек, заслуживающий порицания, презрения или сострадания» [24]. Во втором случае в итальянском переводе семантика уменьшительности (которую переводчик вначале удачно передал через *omicciattolo*) нейтрализуется, «отодвигается», а пренебрежительно-сочувственная актуализируется:

*Но когда я, в марте месяце,
поднялся к нему наверх, чтобы
посмотреть, как они там «за-
морозили», по его словам, ре-
бенка, и нечаянно усмехнулся
над трупом его младенца, по-
тому что стал опять объяс-
нять Сурикову, что он «сам
виноват», то у этого сморчка
вдруг задрожали губы...*
[22. С. 414].

*Quando però a marzo salii da
lui per vedere com'era morto
«di freddo» il suo bambino,
erano parole sue, e sorrisi
involontariamente vicino al
cadavere del suo piccino,
perché avevo ripreso a
spiegargli che la colpa era
sua, a quel disgraziato
tremarono all'improvviso le
labbra...* [23. P. 460].

Кроме того, смысл данной фитометафоры можно передать с помощью таких слов, как, например, *moccioso* или *donnicciola*:

*Бригадир на него только
глазами сверкнул. – Свое дело
знай, сморчок! Таскай кир-
пичи!* [25. С. 80].

*Il caposquadra si limitò a
fulminarlo con un'occhiata: –
Fa' il tuo lavoro, moccioso!
Porta su i mattoni!*
[26. P. 98].

*Ирина сидела на диване
между князем Коко и г-жою
Х., известною некогда краса-
вицей и всероссийской умни-
цей, давным-давно превра-
тившиеся в дрянной смор-
чок, от которого отдавало
постным маслом и выдох-
шимся ядом* [27. С. 121].

*Irina era seduta su un divano
fra il principe Cocò e la
signora Ch., una volta nota
bèltà e schietta intelligenza
russa, che da gran tempo
s'era ormai tramutata in
un'abbietta donnicciola che
sapeva d'olio di quaresima e
di veleno da quattro soldi*
[28. P. 135].

В данном контексте переводчик выбирает слово *moccioso* – «сопляк», которым с презрением обычно называют очень молодого человека. Но здесь переводчик посредством этого слова, актуализирующего отношение «старший – младший», пытается передать лишь социальное неравенство героев, безотносительно возраста.

В следующем контексте переводчик сталкивался с необходимостью учета гендерной семантики: тут слово «сморчок», относящееся к женщине, переводится как *donnicciola*, от слова «*donna*» – «женщина», с

суффиксом *-icciola*. В этом лексическом выборе переводчика гендерный компонент играет главную роль. Кроме того, суффикс *-icciola* содержит в себе уменьшительную и пренебрежительную оценку.

Обе фитометафоры *мухомор* и *старый гриб* в двуязычном словаре переводятся одним и тем же выражением: *vecchio cadente* (дряхлый человек). В значении данного словосочетания на первый план выступают семы «старость» и «пришедший в упадок». Данный вариант перевода лишь частично передает смысл русских фитонимов, потому что не актуализируется сема «вредность, ядовитость», присутствующая семантике *мухомора* и в некоторых случаях значению *старый гриб*.

По нашему мнению, можно было бы передать пренебрежительную оценку при помощи суффикса *-accio*: существительное *vecchiaccio* (*vecchio* + *-accio*, старикашка), по словарю GRADIT, обозначает не только старого человека с неприятным и грязным внешним видом, но также человека с вредным, плохим характером [21].

Что касается фитонима *поганка*, в двуязычном словаре переносное значение отсутствует. В данном случае, на наш взгляд, процесс компенсации лексической лакуны осуществляется описательным (вредный человек) или синонимическим способами (*canaglia* – негодяй).

При отсутствии эквивалентной метафоры невозможно предложить однозначный перевод. Конечно, в процессе перевода контекст, передающий множество коннотаций, определяет выбор подходящей лексической единицы, поэтому, как показал анализ переводов фитометафоры *сморчок*, русская «грибная» метафора может иметь несколько вполне адекватных интерпретаций.

Подведем итоги.

Анализ метафорических значений в русском и итальянском языках выявляет разную значимость единиц ТГ «Наименования растений» в процессе метафорообразования: «грибная» тема, актуальная для русского языка, оказывается невостребованной в итальянском метафорическом словаре. Часто *сморчок*, *мухомор*, *поганка* и *старый гриб* содержат в себе негативную оценку, связанную не только с физическими качествами, но и с моральными и интеллектуальными. Следует отметить, что признак *старый*, актуализирующийся во многих значениях, часто используется в качестве маскировки, скрывающей в характеристике оценку других отрицательных черт характера человека.

Эта лексическая лакуна в той или иной степени заполняется другими лексическими и морфологическими средствами итальянского языка. На наш взгляд, в передаче негативной оценки очень важную роль играют суффиксальные образования, передающие, как и в русском языке, множество эмотивно-оценочных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. С. 24–50.
2. Пуцилева Л.Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

3. Панкова Т.Н. Национальная специфика метафорической номинации (на материале русских и английских лексем, объединённых семантическим компонентом «растение»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
4. Демьянова А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012.
5. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВОРГУ, 2001. С. 75–79.
6. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975. С. 7.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
8. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа текста. М.: Наука, 1973.
9. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.
10. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов / под. ред. Э.В. Кузнецовой. Иркутск, 1989.
11. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1971. Вып. 6. С. 509–523.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986.
14. Толковый словарь русского языка / под. ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1994.
15. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона (оригинальная орфография). URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old
16. Словарь русских синонимов. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims
17. Словарь русского арго. URL: http://russian_argo.academic.ru
18. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого. URL: http://mostitsky_universal.academic.ru
19. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>
20. Новый большой русско-итальянский словарь. URL: <http://www.lingvo-online.ru>
21. De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso, 6 vol. / T. De Mauro. Torino: UTET, 1999 (CD-ROM) (GRADIT).
22. Достоевский Ф.М. Идиот. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 411–414.
23. Dostoevskij F.M. L'idiota, Garzanti, 1990. P. 457–460.
24. Gabrielli A. Grande dizionario italiano. Milano: Hoepli, 2011. URL: http://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx
25. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 6 т. Frankfurt a/M.: Посев, 1971.
26. Solzhenitsin A. Una giornata di Ivan Denisovich, Einaudi, 1999.
27. Тургенев И.С. Сочинения И.С. Тургенева. М.: Изд. Братьев Салаевых, 1868.
28. Turgenev I.S. Fumo, ed. Rizzoli, 1964.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 09 декабря 2014 г.

RUSSIAN "MUSHROOM" METAPHOR AND ITS EQUIVALENT TRANSLATION INTO ITALIAN

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 40–45. DOI 10.17223/15617793/391/6

Garbujo Ilaria. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ilariagarbujo@gmail.com

Keywords: linguistic culturology; phytometaphor; comparative analysis; lacunarity; interlanguage lacuna; lexical lacuna; practice of translation.

This article considers the issues related to the lexical lacunarity and to the difficulties in adequate translation of Russian phytonyms. This research revolves around the concept "lacuna" of G.V. Bykova, N.I. Konrad, Yu.A. Sorokin, I.Yu. Markovina, etc., which is based on the connection between language and culture. The subject of this study are metaphors formed by the denominations of mushrooms in the Russian and Italian languages. Particularly, this paper focuses on the phytonyms *smorčok* (morel), *mukhomor* (fly agaric), *poganka* (toadstool) and *staryy grib* (old mushroom) which develop figurative meanings with negative semantics. The particular interest of the work lies in the choice of the thematic group which has rarely been an object of study itself. The aim of this paper is to investigate the trends in the process of metaphorization of this thematic group, to detect lexical lacunae concerning phytometaphors in the dictionaries, to analyze the types of lacunae and to clarify why such lacunae exist and how to eliminate them. For the research different types of Russian and Italian dictionaries, as well as texts from the Russian National Corpus (RNC) and the results of psycholinguistic experiments, were used. Investigating the given thematic group, we have found out a big difference between the two languages: in Russian mushroom denominations develop metaphorical meanings, while in Italian they do not even bring up figurative association. We have analyzed the variation of the metaphorical semantics of these denominations as registered in dictionaries and realized in texts (RNC) in order to understand how to convey the meaning of the Russian metaphor as fully as possible when there is no Italian equivalent. As a result, we have brought to light that commonly the figurative meaning of the analyzed words has a negative connotation (*unpleasant, bad, detestable* etc.) and the semantic feature *old age* is often a "camouflage" in phytometaphors, hiding the speaker's intentions to interpret negatively any other unpleasant traits of a given person. In the work the possible means to eliminate the lexical lacuna in question are examined. The search for equivalents is realized on the basis of lexicographic sources and original and translated texts. In conclusion, an interlingual lexical lacuna was identified: in the process of metaphorization the theme "mushrooms", relevant as it is in the Russian language, is clearly absent in Italian. This lexical lacuna is more or less successfully covered in Italian thanks to other means, lexical (using descriptive periphrases or synonyms) or morphological (word-formal derivatives with emotional-evaluation formants).

REFERENCES

1. Bykova G.V. *Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoy sistemologii*: dis. d-ra filol. nauk [Lacunarity as a category of lexical systemology. Philology Dr. Diss.]. Voronezh, 1999, pp. 24–50.
2. Putsileva L.F. *Kul'turno determinirovannyye konnotatsii russkikh zoonimov i fitonimov (na fone ital'yanskogo yazyka)*: dis. kand. filol. nauk [Culturally determined connotations of Russian zoonyms and phytonyms (against the background of the Italian language). Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2009.
3. Pankova T.N. *Natsional'naya spetsifika metaforicheskoy nominatsii (na materiale russkikh i angliyskikh leksem, ob"edinennykh semanticheskimi komponentami "rastenie")*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [National specificity of metaphorical nomination (based on Russian and English words united by the semantic component "plant"). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Voronezh, 2009.
4. Demyanova A.G. *Kognitivnye osnovy formirovaniya perenosnykh znacheniy fitonimov (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov)*: dis. kand. filol. nauk [Cognitive bases of formation of figurative meanings of phytonyms (in English, Russian and French). Philology Cand. Diss.]. Tambov, 2012.

5. Karasik V.I., Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya* [Linguocultural concept as a unit of study]. In: Sternin I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2001, pp. 75–79.
6. Murav'ev V.L. *Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Lexical gaps (based on the vocabulary of French and Russian languages)]. Vladimir, 1975.
7. Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 367 p.
8. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza teksta* [Problem of the semantic analysis of the text]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 280 p.
9. Shmelev D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on semasiology of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1964. 243 p.
10. Kuznetsova E.V. (ed.) *Regulyarnaya mnogoznachnost' v leksiko-semanticheskikh gruppakh russkikh glagolov* [Regular polysemy in lexical-semantic groups of Russian verbs]. Irkutsk, 1989.
11. Apresyan Yu.D. O regulyarnoy mnogoznachnosti [On regular polysemy]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.*, 1971, issue 6, pp. 509–523.
12. Russian National Corpus. Available from: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>. (In Russian).
13. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Moscow, 1986.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (eds.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1994.
15. *Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskij slovar' Mikhel'sona (original'naya orfografiya)* [Large idiom dictionary by Michelson (original spelling)]. Available from: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old.
16. *Slovar' russkikh sinonimov* [Dictionary of Russian synonyms]. Available from: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonyms.
17. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian slang]. Available from: http://russian_argo.academic.ru.
18. *Universal'nyy dopolnitel'nyy prakticheskiy tolkovyy slovar' I. Mostitskogo* [The Universal Additional Practical Explanatory Dictionary by I. Mostitskiy]. Available from: http://mostitskiy_universal.academic.ru.
19. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka Efremovoy* [Efremova's Modern Dictionary of Russian language]. Available from: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
20. *Novyy bol'shoy russko-ital'yanskiy slovar'* [The New Comprehensive Russian-Italian dictionary]. Available from: <http://www.lingvo-online.ru>.
21. De Mauro T. *Il grande dizionario italiano dell'uso*, 6 vol. Torino: UTET, 1999 (CD-ROM) (GRADIT).
22. Dostoevsky F.M. *Idiot*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2009, pp. 411–414.
23. Dostoevsky F.M. *L'idiota*. Garzanti, 1990, pp. 457–460.
24. Gabrielli A. *Grande dizionario italiano*. Milano: Hoepli, 2011. Available from: http://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx.
25. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Frankfurt: Posev, 1971.
26. Solzhenitsyn A. *Una giornata di Ivan Denisovich*. Einaudi, 1999.
27. Turgenev I.S. *Sochineniya I.S. Turgeneva* [Works by I.S. Turgenev]. Moscow: Izd. Brat'ev Salaevykh Publ., 1868.
28. Turgenev I.S. *Fumo*, ed. Rizzoli. 1964.

Received: 09 December 2014